

вам Гу Сюэцзиня, «сейчас никто не может взять на себя смелость утверждать, что в Китае действительно проживает только 56 народов»⁷³. И главной проблемой в этом отношении по-прежнему остается соотношение между этносом и субэтническим подразделением. «Анализ и сравнительное изучение объективно существующих групп внутри этноса будет способствовать уяснению длительного исторического процесса этнической дифференциации и ассимиляции, что открывает путь к пониманию закономерностей развития этноса»⁷⁴ — с этим выводом одного из ведущих китайских этнографов Ян Куня вполне можно согласиться.

⁷³ Гу Сюэцзинь. Указ. раб. С. 102.

⁷⁴ Ян Кунь. Этноты и субэтнические подразделения. С. 85.

С. Г. Чантуришвили

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДРЕВНИХ ГРУЗИНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИК

(Новейшие издания в русском переводе хроник
из свода грузинских летописей) *

«Картлис цховреба»¹ является одним из важнейших письменных источников для древней и средневековой истории не одной только Грузии, но и Кавказа в целом, а также примыкающих к нему обширных регионов — Южной России и Передней Азии. В ней мы находим сведения и об их социальной и этнокультурной истории, об этнических процессах, протекавших в различных формах и направлениях. Эта сторона «Картлис цховреба» до сих пор исчерпывающе не исследована.

Необходимость использования свода «Картлис цховреба» для воссоздания исторического прошлого народов Кавказа признавалась всегда. Но тут же возникали непреодолимые препятствия, главные из которых — языковой барьер и отсутствие в прошлом сколько-нибудь удовлетворительного, критически осмысленного текста при наличии многочисленных списков свода. Впервые «Картлис цховреба» был переведен на французский язык грузиноведом — академиком М. И. Броссе². Вплоть до последнего времени это было единственное, давно ставшее библиографической редкостью издание, которым пользовались исследователи, не владевшие древнегрузинским языком. Недостатком издания М. И. Броссе было то, что перевод осуществлен на основе позднейших списков свода, составленных не ранее XVIII в., без учета списков XV—XVII вв.

Широкому кругу русских исследователей «Картлис цховреба» стал доступен по публикациям М. Джанашвили (конец XIX в.).³ В предисловии к «Жизни картлийских царей» Г. В. Цулая пишет, что «работа Джанашвили сыграла в свое время положительную роль в деле ознакомления широких масс читателей с содержанием древнегрузинских источников... Однако фрагментарность, слабая комментированность переводов (в значительной части пересказов), к тому же осуществленных по критически непроверенному оригиналу, значительно снижали научную ценность работы М. Джанашвили, и исследователи обращались к ней в редких случаях» (I, с. 14). Только в советское время благодаря усилиям целого ряда историков стало возможным всестороннее изучение «Картлис цховреба».

* Картлис цховреба (История Грузии). I. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана/Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарий Цулая Г. В. М., 1979. 102 с.; II. Летопись Картли/Перевод, введение и примечания Цулая Г. В. Тбилиси, 1982. 112 с.; III. Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала/Перевод введение и примечания Цулая Г. В. Тбилиси, 1986. 150 с. В дальнейшем ссылки даются в тексте с указанием номеров работ и страниц.

¹ Картлис цховреба (История Грузии)/Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. Т. I.

² Brosset M. Histoire de la Géorgie. SPb., 1849. Т. I.

³ См. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. XXII.

Ценность рецензируемых работ Г. В. Цулая, во-первых, в том, что автор впервые дал максимально приближенный к оригиналу русский перевод ранних наиболее сложных частей «Картлис цховреба»; во-вторых, что не менее важно, Г. В. Цулая снабдил каждую из своих публикаций обстоятельными введениями, а также скрупулезно составленными комментариями (в общем более 500); при этом значительная часть комментариев представляет собой небольшие этюды, лаконично излагающие историю исследуемого вопроса, в которых высказана самостоятельная авторская точка зрения. Отметим, что исследовательская часть публикаций Г. В. Цулая в целом значительно превосходит объем собственно переводов. Таким образом, перед нами не только переводы памятников древнегрузинской нарративной литературы, что само по себе уже трудно переоценить, но и их исследование в различных аспектах: историческом, источниковедческом, этнокультурном и т. д.

Этнокультурный аспект является основным направлением всего авторского комментария. Г. В. Цулая показал, что материалы для этнокультурной истории грузин и других народов Кавказа в раннем цикле «Картлис цховреба» обнаруживаются не только в прямых свидетельствах; немаловажное значение имеют и свидетельства побочного характера. Так, обосновывая мысль, что творческое наследие Леонти Мровели не зависит от «Жизни Вахтанга Горгасала» Джуншера Джуншериапи, Г. В. Цулая указывает на различие и даже, по его словам, диаметрально противоположность культурно-идеологического содержания произведений этих авторов XI в., а также особенности отражения ими этнического развития грузин и контактировавших с ними народов Кавказа.

В рецензируемых работах показаны взаимоотношения грузин с другими народами Кавказа в древности и средневековье. Так, в сочинении Леонти Мровели, которым открывается свод древнегрузинских летописей, особое место уделено династическим связям правящей элиты Грузии с высшей знатью народов Северного Кавказа и Закавказья. При этом, подобные сведения порой встречаются сразу после упоминания того или иного народа. Примером может служить первое в грузинских источниках упоминание вайнахов (чеченцев, ингушей) — дурдзуков. Анализируя это обстоятельство, Г. В. Цулая увязывает его с тем, что в грузинской устной исторической традиции вполне могли существовать предания о связях восточногрузинских племен с вайнахами «еще до упоминания последних в письменной литературе». На это, по его мнению, должно указывать также наличие в сочинении Леонти Мровели «отца» — Тирет — эпонима предков вайнахов Дурдзука (I, с. 54, 63). Установление же династических связей, как бы легендарны они ни были, служило свидетельством тесных союзнических контактов, но для самого летописца выявление таких связей не было самоцелью. Наоборот, исторический факт прошлого интересует Леонти Мровели «постольку, поскольку он может быть образцом политического союза современной ему Картли с государственными образованиями Северного Кавказа» (I, с. 63). И действительно, когда народам Кавказа династические связи навязывались насильственно, возникали резкие конфликты, как это зафиксировано в «Летописи Картли» (II, с. 47, 79).

Г. В. Цулая останавливается на исторически очень важных проблемах междоусобных войн в среде народов Кавказа, занимающих столь значительное место на страницах всего свода «Картлис цховреба». При изучении текста «Летописи Картли» автор опирается на уже высказанное заключение⁴, согласно которому войны между народами Кавказа существенно отличались по своему характеру от войн с иноземными завоевателями: «Иноземный враг ставит целью разорение, наложение дани, порабощение и ликвидацию страны. Войны между кавказскими народами — это преимущественно войны *домашние*, исход которых предполагает не завоевание и порабощение, а объединение родственных народов под гегемонией того или иного участника» (III, с. 12—13). В своей исследовательской части автор показал, что эта особенность «домашних войн» народов Кавказа была характерна и для эпохи, о которой писал Леонти Мровели, автор XI в.

Интересны высказывания Г. В. Цулая относительно эволюции содержания этнонима картвели — картлийцев, который лег в основу современного самопознания грузин, хотя значение данного этнонима в труде Леонти Мровели ограничено в основном восточной частью Грузии — Картли (античная Иберия). Раздельное упоминание картлийцев (картвели) и эгров (мегрело-чанов) «относить к XI в. можно с известными оговорками, так

⁴ Бердзенишвили Н. А. О грузинской историографии // Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1966. Т. VIII. С. 329 (на груз. яз.).

как в этот период этническая консолидация грузинской феодальной народности достигла сравнительно высокого уровня. Именно в это время под термином „картвели“ стали подразумевать не только собственно картлийцев, но грузин в целом и даже многочисленное некартвельское население Грузинского царства, т. е. название „картвели“ в известном смысле имело политическое содержание» (I, с. 44). И вместе с тем автор утверждает, что перевод «Картли» и «картвели» из сочинения Леонти Мровели (а тем более его предшественников) на русский язык в форме «Грузия» и «грузин» является анахронизмом. Названию «Грузия» соответствует «Сакартвело», впервые засвидетельствованное в «Истории царя Давида» (I, с. 40, 44). Лишь в «Жизни Вахтанга Горгасала», говорит Г. В. Цулая, «мы фактически впервые встречаемся с терминами *Картли* и *картвели*, которые в ряде случаев надо воспринимать не в значении Восточной Грузии и ее жителя, как это имеет место в сочинении Леонти Мровели (хотя и в сочинении Джуганшера данное значение пока еще преобладает), а соответственно *Грузия* и *грузин* в широком смысле этих понятий» (III, с. 13, 123, примеч. 22).

В результате исследования начальной части «Картлис цховреба» выявлен основной ее мотив — интеграция разрозненных грузинских земель и племен в объединенное государство. При этом автор пишет, что еще в первом упоминании грузинского источника о государственном объединении Восточной и Западной Грузии важное место отводится овсам и лекам — соседним негрузинским племенам (I, с. 63). Это свидетельство грузинского источника, которое современные исследователи обоснованно считают воплощением политической программы Леонти Мровели⁵, служит одним из лучших доказательств прогрессивности идеи древнегрузинских историков о значительной роли некартвельских племен в процессе консолидации отдельных грузинских политических единиц в объединенное Грузинское царство. Рецензируемые публикации содержат об этом множество материалов; наиболее ярко показана роль Абхазского царства в истории Грузии. Этот вопрос Г. В. Цулая исследовала достаточно убедительно. Он привлек древнеармянскую версию «Картлис цховреба», что позволило окончательно решить бывшую долгое время спорной проблему о характере создания на рубеже VIII—IX вв. Абхазского царства. Возникновение этого государственного образования, сыгравшего выдающуюся роль в формировании объединенного Грузинского царства, Г. В. Цулая считает — и, думаю, достаточно обоснованно — не результатом завоевания правителями Абхазского княжества территории Западной Грузии, а следствием процесса их воссоединения (II, с. 31—34).

До сих пор не до конца ясен вопрос об объеме и атрибуции некоторых письменных памятников, составивших ранний цикл свода «Картлис цховреба». Так, Г. В. Цулая утверждает, что традиционно принятый объем труда Джуганшера Джуганшериани нуждается в текстологическом пересмотре. Сама эта идея не нова. Еще П. И. Ингорква считал, что финальная часть «Жизни Вахтанга Горгасала» представляет собой не что иное, как эксцерпт⁶. Но до сих пор не было дано конкретного ответа на вопрос об объеме и составе этого эксцерпта. Г. В. Цулая устанавливает, что та часть «биографии» Горгасала, в которой описаны гибель и погребение картлийского царя, и является завершением труда Джуганшера Джуганшериани (III, с. 45 сл). Остальную часть «Жизни Вахтанга Горгасала» до описания походов арабов в Западную Грузию в 30-х годах VIII в. включительно автор называет «Исторической хроникой» Псевдо-Джуганшера (III, с. 46), разделяя ее на две самостоятельные части, принадлежности, по его мнению, двум различным авторам. «Первая часть „Исторической хроники“ Псевдо-Джуганшера,— пишет Г. В. Цулая,— кончается, вероятно, там, где начинается повествование о политической активизации арабов-мусульман» (III, с. 46). Это утверждение аргументируется прежде всего данными культурно-политического порядка. По мнению автора, в обеих частях «Исторической хроники» Псевдо-Джуганшера описаны различные культурные и политические тенденции. Так, если в первой части картлийские феодалы свои сепаратистские права обосновывали «пожалованными грамотами» персидских царей и тем самым игнорировали политическую и культурную программу Вахтанга Горгасала, то во второй — владетельные феодалы, борясь против консолидирующих сил в Грузии, стали связывать свои феодальные притязания не с указанными «пожалованными грамотами», а со своим «происхождением» якобы «от дома» Вахтанга Горгасала и

⁵ Книга посланий/Древнеармянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал Алексидзе З. Н. Тбилиси, 1968. С. 167 (на груз. яз.).

⁶ Ингорква П. И. Леонти Мровели, грузинский историк VIII в./Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР. Тбилиси. 1941. Т. 9 (на груз. яз.).

его преемников (III, с. 46—47, 51). В отличие от исследователей, считающих, что здесь мы будто бы имеем развитие точки зрения сочинителей «пожалованных грамот»⁷, Г. В. Цулая устанавливает, что «это было не дальнейшим развитием идей названных „документов“, а противопоставлением им, их юридическим отрицанием, возникшим в иных условиях и с соответствующими целями, и сохранились они в двух разных исторических источниках, соединенных поздними составителями свода КЦ сообразно с хронологической исследовательностью описываемых в них событий» (III, с. 51).

В специальной литературе высказывалась точка зрения, согласно которой сильное влияние на творчество Джуншера Джуаншерани оказал иранский эпос⁸. Наряду с этим до сих пор бытует идея о местных фольклорных источниках гиперболизированного образа Вахтанга Горгасала в посвященном ему жизнеописании. Г. В. Цулая пересмотрел все эти взгляды. «Жизнь Вахтанга Горгасала,— считает автор,— писал благочестивый грузинский христианин, и все, о чем бы он ни думал, могло быть направлено против остатков иранского влияния в Грузии. Поэтому, создавая гиперболизированный, домысленный образ картлийского царя, Джуаншер вполне закономерно должен был ориентироваться не на элементы противного его духу „иранского эпоса“, а на формировавшие его мировоззрение канонизированные за много веков до него библейские сюжеты. И действительно, выясняется, что в „Жизни Вахтанга Горгасала“ нашли место творчески осмысленные применительно к контексту исторических событий на Кавказе времени Вахтанга Горгасала библейские повествования о подвигах иудейского царя Давида — символа идеального властителя» (III, с. 37).

Столь же решительному пересмотру подверг Г. В. Цулая и мнение о местных эпикофольклорных источниках литературного образа Вахтанга Горгасала. По его верному замечанию, «грузинскому фольклору неизвестен эпический цикл, посвященный Вахтангу Горгасалу. Однако вопрос об эпическом характере образа Вахтанга Горгасала этим не снимается» (III, с. 14). Далее проводится мысль, что богатая эпическая традиция грузинского фольклора могла влиять «(особенно в ранний период средневекового исторического сознания) на индивидуальное творчество историков, порой описывавших реальные события и героев в эпически расцвеченном стиле».

Следует отметить, что сообщаемые Леонти Мровели сведения, зачастую определяемые в результате суперкритического отношения к ним как полулегендарные, дополнены подробными данными о строительной деятельности картлийских царей. Речь идет о ширококом строительстве на территории Картли городов и храмов, постройке крепостей, что несомненно свидетельствует о высоком экономическом уровне Картли в первых веках нашей эры. Специально следует отметить, что эти сведения Леонти все более и более подтверждаются проведенными в недавнее время и ведущимися в Грузии в широких масштабах археологическими раскопками⁹; это сообщает достоверность приводимым Леонти Мровели сведениям, которые считались раньше полулегендарными.

Следует также особо отметить, что научные комментарии Г. В. Цулая пронизаны идеей о дружбе закавказских народов, о выработанном в течение веков сознании их единства и братства, которым проникнут и сам свод «Картлис цховреба» — редкое в этом отношении произведение в средневековой литературе. Слова «идея братства» мы здесь используем не только фигурально — ведь известно, что, по концепции автора «Жизни картлийских царей» Леонти Мровели, все кавказские народы были сыновьями одного общего отца Таргамоса — библейского персонажа. Другое дело, что в исторических произведениях того времени существовала традиция связывать происхождение людей с библейскими персонажами. Однако следует учитывать главное: уже тогда в Грузии имела политическая основа для появления идеи о едином происхождении кавказских народов, которая и составляет концепцию названного произведения Леонти Мровели.

С текстологическими проблемами сочинений Леонти Мровели и Джуаншера Джуаншерани в грузинской историографии нередко связывался вопрос об объеме «Летописи Картли». До сих пор многие авторы склонны были считать названную летопись

⁷ Мамулия Г. С. Генезис легенды о реформах «царя» Арчила (VIII в.) и ее политическая тенденция // Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1976. С. 117 (на груз. яз.).

⁸ Ингорюва П. И. Краткий обзор истории грузинской литературы // Соч. Тбилиси, 1978. Т. 4. С. 310 (на груз. яз.); Орбели И. А. Бахрам Гур и Азадз // Избр. соч. Ереван, 1963. С. 550.

⁹ Чантуришвили С. Г. Культура и быт Грузии V—X вв. (Опыт историко-этнографического изучения). Тбилиси, 1984. С. 297 (на груз. яз.).

«органичной» частью якобы единого, непрерывного повествования с включением в него сочинений Леонти Мровели и Джуаншера Джуаншернани, постулируя нередко принадлежность его первому. Г. В. Цулая обоснованно отклонил это мнение, логично, на основе анализа раннего цикла «Қартлис цховреба» приписав рецензируемые переводы различным авторам, каждый из которых обладал своим мировоззрением, литературным стилем и по-своему отразил описываемую действительность (II, с. 25—27).

Автор не только обосновывает мысль о независимости текста «Летописи Қартли» от двух предшествующих хроник раннего цикла «Қартлис цховреба», но прежде всего выявляет своеобразие отраженной в анонимной летописи этнокультурной обстановки периода объединительного движения в Грузии в VIII—XI вв., указывая на большую роль наряду с политическими факторами в этом многовековом процессе факторов культурного порядка. Логическому обоснованию этой идеи, которой до сих пор уделяли недостаточно внимания, посвящена значительная часть введения к «Летописи Қартли».

Подводя итоги, скажем, что издание на русском языке отрывков из произведений Леонти Мровели ввело в научный оборот ценный исторический источник по истории народов Кавказа. Следует лишь сожалеть, что из трех произведений Леонти Мровели это первое не было переведено целиком. Хочется высказать пожелание, чтобы в будущем было осуществлено полное издание перевода «Жизни картлийских царей». Зато два последующих произведения «Қартлис цховреба» — «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншернани и «Летопись Қартли» — Г. В. Цулая перевел полностью.

Перевод на русский язык трех произведений «Қартлис цховреба» и их издание весьма расширили круг исследователей, которые теперь сумеют пользоваться этими источниками. Следует также отметить, что Г. В. Цулая внес значительный вклад в изучение средневековой этнополитической и этнокультурной истории кавказских народов.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Matti Kuusi. Proverbia septentrionalia. 900 Balto-Finnic Proverb Types with Russian, Baltic, German and Scandinavian Parallels/In cooperation with Joalaid M., Krikmann A., Leino P., Kokare E., Laukkanen K., Mälk V., Sarv I./Folklore Fellows Communications. V. CI. № 236. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1985. 451 p.

От возникновения замысла этого труда до выхода его в свет прошло 22 года. Его создание стало возможным благодаря тесному сотрудничеству ученых Финляндии и СССР (в первую очередь Эстонии, а также Латвии и Литвы); переводы на английский язык выполнены с помощью английских и американских ученых (с. 450—451). Инициатор и ведущий автор издания акад. Матти Кууси — один из крупнейших современных фольклористов, профессор университета в Хельсинки, основатель и редактор журнала «Proverbiium». На разных этапах подготовки тома в работе участвовали многие фольклористы из Финляндии и Советских Прибалтийских республик. Текст, с которым теперь могут ознакомиться читатели, подготовлен М. Кууси в соавторстве с К. Лаукканеном и Э. Лейно (Финляндия), М. Йоалайд, А. Крикманном, В. Мялк, И. Сарв (ЭССР) и П. Кокаре (Латв ССР). Книга «Северные пословицы» вышла во всемирно известной серии «Folklore Fellows Communications» («Сообщения общества фольклористов»), основанной в 1907 г., в одном из первых выпусков которой был издан «Указатель сказочных типов» А. Аарне, при всем своем несовершенстве ставший отправной точкой всех последующих опытов систематизации фольклорного материала.

Рецензируемый труд опирается на иную методологию, нежели «финская школа» первой половины XX в., но усвоил ее стремление к широкому охвату материала, к его строгой систематизации и классификации, к постановке принципиальных методологических проблем. Он представляет собой сборник пословиц прибалтийско-финской подгруппы финно-угорских языков с параллелями из языков-соседей — русского, латышского, литовского, немецкого, скандинавских. Сборник основан на количественных критериях, и в этом его существеннейшее отличие от всех предыдущих. Другая важная его особенность состоит в том, что он не только содержит материал для последующего изучения, но и сам является итогом большой аналитической работы.

Том открывается многоаспектным «Введением». Здесь в общих чертах прослеживается этногенез прибалтийско-финских народов, становление их культуры. При этом, на наш взгляд, некоторые утверждения, относящиеся к исторической антропологии и этнографии, сформулированы излишне категорично. Полезны включенные во «Введение» карты географического распространения прибалтийско-финских языков, а также примеры картографирования некоторых пословиц, по-разному распределенных в разных языках (с. 15—21). Содержательны замечания о пополнении фонда пословиц путем заимствования у соседей и в средневековой латинской традиции (с. 23—26).